

I.

Трещит в светце лучина. Гудит прялка...
Красноватый отблеск лучины дрожит на
выбеленных стенах, в мерзлом окошке и
на низком потолке... Колышатся тени...

Старуха-пряха рассказывает сказку. Голос
у старухи монотонный, ровный и мерный, как
гуденье ее прялки. Длинная, бесконечная тя-
нется нитка из белой кудели, наматываясь на
веретено. Жужжит веретено: Ж-ж-ж...

И кажется,—это не пряха рассказывает сказ-
ку, а сказка сама рождается каким-то чудесным
образом в немолчном монотонном гудении
быстро вертящегося колеса прялки, в жужжаньи
проворного веретена...

Клонит в сон от этого жужжания и гуденья... И чудится, какое-то волшебство творится в избе, и колыхающиеся на стенах и на потолке тени — живые тени... И кто-то мигает в избе в красноватом отблеске лучины и что-то шепчет, — свои слова, а не те, которые говорит пряха...

Их только двое в избе: старуха-пряха да Мишка. Мишке восемь лет, пряхе — восемьдесят. Они сидят рядом на лавке.

Уж поздно. Давно уж рассказывает пряха свою сказку.

Дремлется Мишке. Но это не простой обыкновенный сон. Он все равно не заснет.

Надвигается дрема, и в дреме встают и движутся неясные образы. Они тут, близко, вокруг него, около. Говорит старуха:

— ... И заплакал он горько от тех слов мачехиных и пошел вон. Вышел, значит, сел на заваленку, глядит, старушка идет... Седенькая старушка с сумочкой. Подошла. А жарко было... Самые Петровки. — "Дай, — говорит, — напиток!" Вынес он ей водицы. Попила старушка, вынула клубок шерстяной. — "На, — говорит, — тебе клубочек; если худо станет дома, брось клубочек на землю, и он покатится сам собой, и ты за ним иди и придешь в заморские земли, где принцесса Ганза...

обретается..." Жужжит веретено, сматывая нитку из кудели... И такая же тянется длинная, бесконечная сказка...

И кажется Мишке, — не прялка это гудит и жужжит, а что-то другое, и что сам-то он далеко отсюда, за тысячи верст... И уж не слышно ни голоса старухи, ни звука прялки,— а катится по зеленому полю шерстяной клубок, и он идет за ним... И идет ему навстречу принцесса Ганза, с цветами и росинками, превратившимися в бриллианты у нее в волосах...

Шепчет что-то неясным голосом принцесса Ганза. Дрожит и искрится алмазная роса в ее волосах и скатывается на шею и становится ожерельем.

У Мишки у самого была мачиха,—женщина высокого роста, с черными, большими глазами и бледным, худым лицом. Не любила она Мишку. И он часто убегал от нее сюда, к старухе Шубихе.

Шубиха усаживала Мишку рядом с собой и, если у него глаза были заплаканы, говорила: — А ты слушай, что я тебе расскажу. — И поворачивала рукой прялочное колесо... Прялка начинала гудеть, а Шубиха рассказывала сказку про богатого купца, его сына и злую мачиху-ведьму...

Отец Ломоносова был хоть не купец, но че-

ловек очень зажиточный ¹⁾), мужик крепкий, себе на уме.

Он владел землей и домом на одном из островов по реке Двине, Курострове. Занимался он рыбным промыслом и первый из всех куростровских рыбаков построил себе настоящий заграничный гальот²⁾).

На этом гальоте он ходил в Белое море и даже в Северный океан— за рыбой. Брал он также подряды частных лиц и от казны по доставке разных грузов водным путем в Пустозерск, Соловецкий монастырь, Кильдин, Колу.

Мать свою Мишка почти не помнил: она умерла рано. Мишка в то время был совсем маленький.

Вскоре после ее смерти отец женился во второй раз на этой высокой, худой девушке, с черными большими глазами, с лицом серым, как у монашки, и тонкими злыми губами.

Мишке было жутко оставаться с ней вдвоем, когда отец уходил на своем заграничном судне в море на промысел.

Мачиха и впрямь казалась ему ведьмой, какие бывают в сказках.

¹⁾ Прежде утверждали, будто Ломоносов происходил из бедной семьи, но это неверно.

²⁾ Судно.

Она и при отце, и без отца наделяла Мишку шлепками и подзатыльниками. При отце он еще терпел, но во время его отлучек, иногда очень продолжительных, он предпочитал ночевать у Шубихи.

Шубиха жила не одна. У нее был сын Иван Шубной, тоже рыбак, как и Мишкин отец, и тоже нередко пропадавший из дому неделями на промыслах...

Оставляя у себя Мишку ночевать, Шубиха обыкновенно всякий раз испрашивала на это разрешения у его мачихи. И мачиха всякий раз говорила:

— Ну, что ж... А ну его!..

Он совсем не был нужен ей... Она его не любила и не скрывала этого.

И, глядя на ее злые глаза и злые губы, старуха Шубиха думала: "У, змея!.."

Иные мачихи скрывают от посторонних свою нелюбовь к мужниным детям. Но Мишкину мачиху было видно насквозь... И, должно быть, она сознавала это, — что такая она уж уродилась со своей злобой и другой не может ни сделаться, ни притвориться хоть на одну минутку.

Шубиха никогда не оставалась у нее подолгу. Тяжело ей было с ней... Всякими болезнями бывают больны люди... А Мишкина

мачиха, казалось ей, была больна злобой в оттого так исчахла и потемнела она с лица, и оттого так и побелели у нее губы, и глаза глубоко впали...

И Шубиха ласкала Мишку, гладила его по голове и рассказывала ему про заморские края и про принцессу Ганзу, веселую, как утро.

Иногда Мишка спрашивал:

— А это правда?..

— Правда, — говорила Шубиха, — наши прадеды и пращуров вон где жили — в Новгороде... Давно это было, никто не помнит. И был у пращуров свой князь, и ходили они на стругах в заморские земли. А были и такие, которые там оставались. И была Ганза — принцесса, что ни пером не описать, ни в сказке не сказать, — такая красавица. Когда еще мальчиком дед мой был, так один купец картину показывал... Предревняя картина. И написан на ней наш мужичок из Новгорода. И стоит с ним и за руку держит, вся в брильянтах, царевна заморская... И сказывал купец, будто это его пращур... Ушел пращур за море и там оженился... Может, это и есть сказка про купцова пращура... Может, был купцов пращур пасынок у мачихи, и дала ему старушка прохожая шерстяной клубочек, и по тому клубочку добрел купцов

пращур до заморских земель и там принцессу Ганзу нашел.

II.

С незапамятных времен по реке Двине селились выходцы из внутренней России и главным образом из Новгорода.

Может быть, и Мишкины предки были тоже новгородцы,— древние, отважные, деятельные новгородцы, купцы-воины, имевшие непосредственные сношения чуть ли не со всеми государствами Европы...

Мишкин отец знал только, что и деды его, и прадеды жили на Курострове...

Издавна они носили прозвище Ломоносы. Потом по прозвищу стали их писать "сын Ломоносов", а затем и просто Ломоносов...

Может быть, у каких-нибудь древних прапращуров Ломоносовых и имелись доказательства и бумаги, указывавшие на их близкое родство с Новгородом... Ни один из Ломоносовых этим не интересовался... От старых людей и Ломоносовы, и другие обитатели Курострова слышали, будто когда-то очень давно все они пришли сюда "от своего города", и будто этот город и есть нынешний Новгород...

Но эта легенда постепенно замирала, превращалась в глухой, никому ненужный и неизвестно зачем повторяемый слух. Грамота и книга на Курострове были большой редкостью.

Ни один из куростровцев не знал, что Новгород, откуда, действительно, были родом многие из их предков, принадлежал в свое время к обширному европейскому торговому союзу вольных городов, называвшемуся *Ганзейским союзом* или просто "Ганзой".

Прадеды их, может быть, помнили еще, что была за морем какая-то "Ганза", имевшая какое-то отношение к русскому человеку, но вряд ли могли они растолковать, что собственно означает это слово, и как нужно его понимать... Есть ли это название города, или имя человека, или "ганза"— что-то такое, чего по теперешнему времени никто не может понять, и нужно прочитать целые возы книг, чтобы добраться до настоящей сути.

С годами все дальше отодвигалось прошлое, все больше окутывалось туманом, и закатилось, наконец, как тусклое солнце...

И старуха Шубиха, и многие другие мастера и мастерицы, рассказывая прежние были и небылицы, называли Ганзой заморскую прекрасную принцессу, жившую Бог весть когда и Бог весть в каком государстве.

Мишка напрасно допытывался у Шубихи, существует ли и теперь это государство...

Шубиха отвечала:

— Ну, вот! Кто ж его знает, ведь это когда было? Может, оно и цело, да Господь его знает, где оно...

— А почему ж ты говоришь, что оно за морем? — спрашивал Мишка.

— Известно, за морем, где ж ему быть, как не за морем?.. Туда и солнце заходить, и все там... И сказки там, и Ганза-принцесса... Разве у нас это можно? У нас что: одни болота... Ты погляди: у нас и солнцу — все холодно...

Правда, над болотистым Куростровом и самое солнце, казалось, было совсем другое, чем в остальном мире. Тускло мерцало оно за серыми, расплывчатыми облаками, почти всегда покрывавшими небо. В низинах и болотах не рассеивался туман. Плескалась река, жалобно кричали чайки. Жидкий ивняк, волнуемый ветром, шумел вдоль берега...

Болота тянулись почти по всему Курострову... Кое-где росли жиденские, корявые, исковерканные ветрами и зимними выюгами, одинокие березки. Редко выпадали ясные, светлые дни. Лето было "гнилое", короткое, с частыми дождями, сырое, как осень.

Отец очень рано стал брать с собой на промысел в море Мишку... Жутко было в море... Брызгали через борт синие волны... Ветер срывал их верхушки и засыпал лицо мелкой холодной водяной пылью.

А заморский гальот скрипел по всем швам и скрепам...

Пронзительно и как-то совсем по-особенному кричали большие морские чайки... И казалось Мишке, что они, проносясь над гальотом, заглядывали ему и его отцу в глаза и не просто кричали, а словно они знали что-то и хотели сказать про это и предупредить...

Иногда вечером загоралось северное сияние... Голубоватым светом мерцала даль моря.

— Что это? — спрашивал Мишка.

— Сполохи, — отвечал отец.

Не будь отца, будь Мишка один на гальоте, он направил бы гальот прямо в ту сторону, где горят сполохи... И, может быть, все для него открылось бы... Выплыли бы из морских далей чудесные сказочные страны, где живет принцесса Ганза, где по-иному сияет солнце, и начинаются эти сполохи...

Но отец стоит у руля и командует:

— Мишка, ослабь парус!..

Скрипит гальот. Стонут чайки... Может,

они летали *туда*; может, они все видели, все знают, все тайны моря...

Раз, вернувшись с промысла, Мишка зашел к Шубихе и застал у нее ее сына, Ивана Шубного...

Шубиха, как всегда, сидела за прялкой.

— Опять за сказками? — сказал Шубной.

Мишка поздоровался с ним. Потом поздоровался с Шубихой.

— Надолго? — спросил Шубной.

Мишка подошел к Шубихе, сел около на лавку и ответил:

— Теперь надолго...

Шубной был грамотный, и все на Курострове знали, что у него на божнице лежит толстая книга с медными наугольниками и застежками. Книга была духовная — часослов.

Этот часослов и сейчас находился на своем месте...

— Сказки, они так, ни к чему, — сказал Шубной. — Хочешь я обучу тебя грамоте? У меня вон есть...

И он указал глазами на часослов.

Мишка тоже посмотрел на часослов.

— А это что? — спросил он.

— Часослов.

Шубиха нагнулась к Мишке и шепнула:

— По нему в церкви читают.

— Церковная,— сказали Шубной,— и по ней можно научиться азам и складам... И тогда всякие книги будешь читать.

— Всякие, слышь, — шепнула опять Шубиха и погладила Мишку по голове.

Мишка смотрел на Шубного, полуоткрыв рот и молчал.

Он ждал, что ему еще скажет Шубной, а тот продолжал:

— Есть книги, которые иному и не в подъем. Такие большие... Да. И в них вся премудрость от зачатия веков. И там все описано: какие есть на земле земли, какие люди, и как солнце ходит, и отчего звезды, и что было с самого изначала.

Мишка в первый раз в жизни слышал о существовании подобных книг. Он знал, что Шубной не станет врать... Это был мужик степенный, и его все уважали на острове.

Глаза у Мишки перестали мигать. Шум и звон пошел в ушах. Замерло сердце.

Он изумленно смотрел на Шубного, но не видел его.

Будто туман повис перед его глазами, как завеса. И кажется ему, что в тумане уж шелестит кто-то желтыми ветхими страницами таинственных, неведомых книг... И сейчас отдернется завеса, и он увидит...

Все увидит... И то, что в небе, и что на земле... И что было давным-давно...

Вспомнились сполохи, мерцающая даль моря... И будто опять проносились над головой чайки и кричали... И он уж понимал их крики...

В тот же вечер Мишка взял у Шубного первый урок.

На следующий день он опять пришел к Шубному. "Азы" давались ему легко. Также дело пошло и дальше.

Самое трудное в грамоте, по мнению Шубного, были склады. Но и склады Мишка постиг с такой же легкостью, как и азы.

И скоро Шубному стало нечему учить Мишку...

Все, что он знал относительно складов и азов, относительно церковного и гражданского чтения,—потонуло в Мишке как в море...

III.

Только что кончилась обедня.

Стоя на паперти и запирая на замок церковную дверь, священник разговаривал через плечо, не оборачиваясь, с мальчиком-подростком.

— Чувствительно, очень чувствительно.

Около мальчика стояли двое седых стариков в новых, почти незапачканных, лаптях и

в широких, будто не на их рост, подпоясанных чистыми белыми полотенцами свитах-халатах.

— И ах как хорошо!..— сказал один старик, глядя на мальчика.

Священник повернул ключ. Щелкнул замок. Священник, побрякивая, ключами стал сходить по ступенькам паперти и кивал мальчику головой.

— Молодец,—сказал он, поровнявшись с ним.

— Даже до слез,— сказал опять один из стариков, пожевал губами и добавил:

— Ему бы в дьячки...

— Востер больно,— сказал другой старик. Он стоял, сгорбившись, опираясь на тонкую длинную палку. У него были густые брови, росшие неровно, "кустами".— Востер,— повторил он, поднял голову и стукнул о землю палкой.

Он смотрел не на мальчика, а на священника. На мальчика он не взглянул даже.

Священник остановился.

— До всего дойти хочет,—продолжал старик.— А?.. И как солнце ходит, и отчего месяц, и где край земли.

— Э! Мало ли что,—проговорил священник, запахнул рясу и двинулся дальше...

Старик повернулся к мальчику и опять

стукнул палкой... Брови у него наползли низко, на самые глаза.

— Нельзя! — сказал он, снова ударив палкой о землю, — нельзя, грех это!.. Сказано: "тайна"... Есть тайна от века... Ключи Господа, печать архангелова... Нельзя! Да.

Он умолк и пристально несколько секунд смотрел на мальчика. Потом повернулся и пошел к выходу за ограду, одной рукой опираясь на палку, а другой поглаживая длинную, совсем белую бороду.

Мальчик-подросток, на которого так напустился сердитый старик, был Мишка...

Иван Шубной не напрасно обучил его "азам" и складам... Мишка теперь вместе с дьячком пел на клиросе и даже, когда по церковному уставу это разрешалось светским лицам, читал с амвона...

И чтецом, и певчим он стал, опять-таки благодаря тому же Шубному.

Шубной сначала "показал" его дьячку, потом священнику. И тот, и другой одобрили Мишкины познания в грамоте.

Дьячок научил его разбирать "крюки" (тогда еще в церквях пели по "крюкам", — старинным нотам), и Мишка вот уже другой год исправно нес свои обязанности причетника и певчего...

Церковные книги читал он не только в церкви, но и у дьячка на дому... С ним любили беседовать старики и старухи: он им рассказывал своими словами жития святых...

Первое время он почти напролет просиживал за этими житиями при свете восковой свечки, прилепленной к подоконнику или к краю стола... Он совсем забывался...

Душа временами будто отрывалась от тела и уносилась туда, в эти старые сказания о мучениках и мученицах... И становились *живыми* напечатанные слова святых страстотерпцев, звучали в ушах, будто только что произнесенные... Будто не книга лежала перед ним, с закапанными воском страницами, а дышала, говорила и двигалась целая новая жизнь... Звенели ржавые цепи, высились мрачные сырые своды, и блестели в полумраке орудия пыток.

И сам он тоже был тут, в темной подземной галерее, и видел поблекшие, изможденные страданиями лица, иссохшие, острые плечи и руки...

У него дрожал голос, и на глаза навертывались слезы, когда он потом рассказывал Шубихе или кому-нибудь о прочитанном...

Но он прочел жития... Читать больше стало нечего... Стоя на клиросе и смотря на большие церковные книги в толстых переплетах, он

вспомнил о других книгах, о тех, про который говорил Шубной, где все написано, что было от начала веков...

Он стал заводить разговор на эту тему то с тем, то с другим... И опять у него дрожал голос... Но на глазах уж не было слез, они блестели как звезды...

И вот тут-то и появился среди других стариков, беседовавших с ним обыкновенно после обедни, сердитый старик, с нависшими над глазами бровями, редко до сих пор показывавшийся в церкви.

Мишка если его и видел во время обедни, так не в церкви, а "в ограде".

Прозвище старику было Аминь, и, как говорили, принадлежал он к беспоповскому толку¹⁾, но хранил это от всех в тайне.

По островам на Двине жило много старообрядцев и раскольников. Жили они и на Курострове.

Аминь не один уже раз вступал в спор с Мишкой; а когда он говорил, все другие старики умолкали и отходили в сторону.

И он один каркал, как ворон, стоя перед Мишкой и глядя на него в упор злоеющим, совсем не стариковским взглядом.

¹⁾ «Толк» — группа старообрядцев, сочувствующая какому-нибудь своеобразному истолкованию вероучения.

До дому Мишке было по пути с Амином, и он иногда нагонял его на дороге.

Аминь его никогда не останавливал. И в описываемое воскресенье Мишка возвращался домой той же дорогой... И той же дорогой впереди него шел высокий, сторбленный Аминь...

Выглянуло солнце из-за тучи. Блестела от солнца грязь на дороге. Ветер рябил лужи. Была осень.

— Стой, — сказал Аминь, когда Мишка нагнал его и пошел впереди.

Мишка вздрогнули повернулся к Аминю. Жутко, как всегда, когда он глядел на Аминя, стало ему... Лицо у Аминя было худое, без кровинки... Белела борода, белели брови...

Аминю уж умирать скоро. Но было что-то необыкновенное в его глазах, что-то огненно-мрачное, будто душа его была уже *там* и все знала и ждала только, пока одряхлеет совсем иссохшее тело, и она уйдет от него навеки...

Аминь, и правда, рассказывал своим домашним, что иногда ему снится "тот свет", а домашние это рассказывали другим... А от других про это знал и Мишка.

Заговорил Аминь:

— Брось!.. Кабы ваш поп радел о душах ваших, он наложил бы на тебя эпитимью.

Говорю тебе: брось! Сказано: "змея премудрости". Змею носишь в сердце, ее питаешь. Раздави! Много тебе дано от Господа Бога. Можешь воспринять славу великую, и оттого в злобе дьявол к тебе бесов приставил, как ко многим избранным... Беса вижу в твоих глазах, бесовскую гордыню и радость. Гряди за мною!

И, взмахнув палкой, Аминь двинулся вперед... Край его халата задел Мишку. Сделав шага два, Аминь оглянулся и сказал:

— Или не понимаешь?.. Гряди за мною!..

— Иду, — сказал Мишка.

И они пошли рядом.

Аминь привел Мишку к себе в избу и долго с ним беседовал с глазу на глаз, запершись в летней холодной светелке.

Биографы моего героя писали потом: "младый его разум уловлен был раскольниками, так называемого толка без поповщины"...

Мишка сразу, как только "учинился" чтецом в приходской церкви, стал очень популярен на Курострове.

Было ему тогда лет 13—14, а он и читал, и пел так, что хоть бы самому дьячку в пору.

Знали о нем и безпоповцы... И старый Аминь "уловил", действительно, его разум...

Родился Мишка в век темноты душевной и невежества.

Тогда даже образованное русское общество, в том числе и царедворцы, боялись истинной науки. На издание, например, книги Фонтенеля "о множестве других кроме земли обитаемых миров" потребовалось разрешение высшего начальства... А сочинение Делиля о вращении земли это "высшее начальство" так и не разрешило напечатать в русском переводе...

Еще более невежествен был простой народ... В простом народе царила уж настоящая кромешная тьма...

Дерзким и кощунственным казался человек, который говорил: — "я хочу знать все".

Аминю удалось убедить Мишку, что его желание постичь "сокровенное" есть искушение дьявольское, шепот беса... Нельзя постичь сокровенное! Оно постигается там, на небе... Великий грех стараться вырвать тайну неба, когда ты ничего не сделал для Бога...

Мишка стал часто, как в былое время Шубиху, навещать Аминя. Он опять принялся за "жития"...

Но временами душа его тосковала, и он говорил Аминю:

— Да неужели же это так нужно? Зачем же Бог дал человеку разум, ежели глушить его следует?..

И он закрывал лицо руками и плакал. Он

знал, что ответит ему на это Аминь... Аминь отвечал:

— Это в тебе шепот беса... Молись, изможди плоть свою постом... Это бес зовет тебя против твоего Создателя.

И Ломоносову холодно и жутко становилось от этих слов, и еще больше тосковала душа.

IV.

Аминь готовил Мишку в начетчики. И думал он, может быть, что Мишка будет великий страстотерпец и украшение истинной Церкви Христовой.

Он видел в нем высокий разум и пламенную душу, "свительник Господний",— если только темные силы не "возобладают" над ним. Он старался оградить его от этих темных сил. И не оградил...

Мишке случайно попались в руки две книги, напечатанные еще при Петре Великом...

Одна из этих книг была грамматика Смолетского, а другая— арифметика Магницкого.

Владелец книг, рыбак Дудин, был чудной человек. Когда Мишка попросил хотя бы при нем почитать эти книги, он сказал ему:

— Не дам...

Потом забрал книги со стола, за которым

Мишка их рассматривал, и спрятал их в сундук. Сундук он замкнул и ключ положил себе в карман.

— Да с чего так? — воскликнул Мишка.

— А с того так, — заговорил Дудин, остановившись перед ним и держа руки в карманах, — что все-то ты, парень, знаешь, а вот у меня есть такое, чего ты во век не узнаешь...

Дудину книги эти были совсем не нужны. Не знал он сам ни арифметики, ни грамматики и обучаться им не намеревался.

Были у Дудина сыновья, но они не имели в виду когда-либо засесть за отцовские книги. Они и грамоты-то не знали...

Мишка все-таки завладел, в конце концов, дудинскими книгами... Он вошел в дружбу с сыновьями Дудина, и раз на улице один из них вынул из-под полы грамматику, а другой арифметику.

— На, — сказали они, — может, в них и есть что хорошее.

Старый Аминь долго после этого не видел Мишки. Когда он навел о нем справки, то узнал следующее.

Мишка домой приходил только ночевать, а весь день скитался по острову в разных местах с двумя книгами из не особенно толстых. Выбирал он место по возможности

наиболее уединенное, садился на кочку или на опрокинутую лодку на берегу речки и раз-вертывал на коленях какую-нибудь из сво-их книжек.

И так он сидел там целыми часами со-вершенно один и читал.

— А что это за книги? — спрашивал Аминь.

Но на это никто ничего определенного отве-тить не мог.

Наконец, Аминю проведали относительно интересовавших его книг. Ему сказали:

— А это Христофора Дудина книги... Гра-жданские... Слышь, царя Петра печатни...

Зловеще глядя вдаль из-под седых бровей своими огненными глазами, Аминь прошептал:

— Одолел-таки!.. О, хитрость аспидова!..

Сообщивши Аминю о новых Мишкиных книгах рыбак не понял этих слов.

— Ты про что? — спросил он и вздрогнул...

Огненные глаза остановились на нем.

— Бес его одолел, — сказал Аминь. — Бес около него теперь и его смущает и водит его всюду... и шепчет...

И всем потом это говорил Аминь... Ему верили, и многие, завидев Мишку издали ша-гающим торопливо напрямиком, без дороги, по-направлению к пристани, где на песке лежали опрокинутые лодки, сворачивали в сторону.

Мишка, действительно, почти не показывался ни дома, ни на людях.

Но по острову не "бес" его водил.

Читать дома дудинские книги не было никакой возможности. Правда, Мишкин отец был не то, что Аминь, и не находил особенного греха в чтении гражданских книг. Но он считал это пустым занятием и требовал, чтобы Мишка отнес книги туда, откуда их взял. А мачиха так прямо грозилась сжечь книги и кричала, что выцарапает глаза обоим "дуденятам", попадись они ей только на улице.

Мишке иного ничего не оставалось, как искать уединения где-нибудь на пристанях или в, глубине острова. Он боялся, кроме того, встречи со стариком Дудиным да и с его сыновьями. Дудинские книги он всегда держал при себе за пазухой.

Раз за ужином мачиха назвала его "черно-книжником". Он выскочил из-за стола, схватил шапку и полушубок и убежал к Шубному.

Шубной тогда был дома.

— Дядя Иван, я уйду отсюда...— решительно сказал Мишка.— Сейчас уйду...

Шубной поглядел на него внимательно и спросил:

— Шипит?

Так он всегда справлялся у Мишки о ма-
чихе, когда видел, что тот расстроен.

Мишка заговорил, волнуясь:

— Это ничего, что шипит! Да не могу я
тут больше! Туда хочу... В Москву уйду,
вот что... Уйду!.. Аминь говорит: "бес" меня
смущает. И все они то же говорят... По-ихнему
и в Петре царе был бес... Ну и не хочу я
их больше знать!.. Никого не хочу!..

В первый раз сказал он это громко. И
сразу ему стало легко и свободно, будто си-
дел он долго в душной комнате, и стало
ему невмоготу, и он разбил окно, откуда
пахнуло на него свежестью и волей.

Когда он изучал страницу за страницей дудинские
книги, он старался не думать об
Амине. Но где-то, в глубине его души, шла
постоянная борьба с Амином. Он гасил в
себе всякую мысль об Амине, едва она заго-
ралась. Нужно было раньше, чем сесть за
арифметику, решить, хорошо ли он делает,
изучая такие книги. Но арифметика увлекла его
сразу, едва он ее открыл.

Когда ему вспоминался Аминь, он нарочно
начинал громко читать напечатанные в книге
правила. Точно чей-то голос он слышал и
старался заглушить его своим собственным
голосом. И Аминь отступался... Потухал жегший

душу его огненный взгляд. И потух, наконец, совсем...

Только сейчас, стоя перед Иваном Шубным, он почувствовал это ясно и определенно и еще раз он повторил:

— Не хочу я их больше! Никого не хочу!

Он уже давно говорил Шубному о своем намерении пробраться в Москву и там изучить латинский язык, так как слышал, что все ученые книги написаны на этом языке.

Шубной его не отговаривали даже обещаясь, когда Мишка надумает серьезно бежать из дому, помочь деньгами.

Отец Мишку добровольно в Москву не отпустил бы, и нечего было рассчитывать на его помощь. Мишка знал это хорошо и пока только одному Шубному и доверялся.

V.

Была зима... По накатанной санями дороге, один в чистом поле, шел молодой парень лет пятнадцати, в нагольном полушубке, в шапке с наушниками и в теплых валенках.

Далеко остался за ним Куростров... Парень был Мишка.

В его кармане лежала бумага такого содержания:

"1730 года декабря 7-го дня отпущен Михаил Васильев сын Ломоносов к Москве и к морю до сентября месяца предбудущего

М. В. Ломоносов.

1731 года, а порукою в нем в платеже подушных денег Иван Банев расписался".

Холодно было, морозно. Ни души в поле. Впереди лежал долгий, незнакомый путь, но

Ломоносов шел бодро. Он знал, куда и зачем он идет... Он шел за тайной, скрытой в мирах надзвездных, в лучах солнца, в глубине океанов, в недрах земли.

Он хотел знать все...

И мерещилась ему опять морская неоглядная даль... Горят сполохи... Блестят звезды... Выходит луна над волнами...

И мерещились заморские края, где, может быть, и правда, жила когда-нибудь прекрасная принцесса Ганза.

Каждому известно, чем стал потом Ломоносов. До него в России не было науки. Ломоносов был первый русский ученый не по одному только полученному им впоследствии званию академика: он совершенно и вполне стоял на высоте тогдашней западной науки и знал *все*, что в то время было доступно научному познанию.

И. Любич-Кошуров.

